

Некоторые данные об аутизме с точки зрения феноменологической теории сознания

І. Аутизм как отсутствие горизонта

История аутизма

Аутизм, о котором пойдет речь в этой статье, — это нарушение развития, появляющееся в раннем детском возрасте, наиболее заметным признаком которого является отсутствие контакта с окружающими людьми, в том числе, в большинстве случаев, отсутствие речи и взгляда в глаза. Действия с предметами и движения могут быть развиты хорошо. Очень часто имеются стереотипные действия: раскачивание, верчение предметов в руках и т.п. Общие интеллектуальные способности при аутизме обычно понижены (скорее всего, потому что дети не общаются), но бывает, что невербальный интеллект в норме или высокий, а также есть случаи аутистов с феноменальными способностями. Известны так называемые аутисты-саванты: счетчики, художники. Есть группа аутистов, которые владеют речью. Однако они используют речь не для коммуникации. Часто они произносят монологи, ни к кому не обращаясь. У таких детей может быть высокий вербальный интеллект. Есть группа нетипичных аутистов, которые лучше говорят, чем двигаются. Но всегда аутисты говорят больше всего сами с собой.

Исследование аутизма началось сравнительно недавно. У термина достаточно сложная история: он был впервые введен О. Блейлером для описания особенностей мышления при шизофрении. Затем понятие «аутизм» стало обозначать, в широком смысле, мысль, не направленную на сообщение. В этом значении он употреблялся Фрейдом и Пиаже и достаточно часто до сих пор употребляется в некоторых школах психоанализа. Чтобы отличить „блейлеровский“ аутизм как несоциализированность мысли от клинического аутизма, проявляющегося такими тяжелыми нарушениями, как полное отсутствие речи и контакта, во втором значении иногда говорят «клинический аутизм» или «детский аутизм». Впервые это состояние было описано в 1943 году Л. Каннером. Однако следует заметить, что и до этого времени появлялись описания подобных состояний, без употребления данного термина.

Начиная середины XX века поток исследований аутизма непрерывно возрастает. Практически все работы принадлежат или психологам и психоаналитикам, или биологам. Единственное исключение — отечественный философ Ф.И. Гиренок, который интерпретирует аутистическое мышление в традиции кантовской философии. Из отечественных авторов укажем также на глубокие исследования О.С. Никольской, которая описывает 4 формы аутизма, по степени глубины дефекта, и в основе аутизма видит недостаточность психологических механизмов защиты. Широкую известность получили работы американского психоаналитика Б. Беттельхейма, который считает, что причиной аутизма является холодность матери к младенцу. В настоящее время эту теорию можно считать опровергнутой, однако, в работах Беттельхейма имеется немало ценных мыслей и наблюдений. Важное направление в осмыслении аутизма задано работами американского философа Д. Дэннета о понятии сознания (theory of mind). Сами идеи Дэннета были высказаны безотносительно аутизма, но они были использованы для объяснения особенностей аутистического сознания английскими психологами Ф. Аппе и С. Барон-Козном. Согласно теории Аппе, центральное нарушение при аутизме — отсутствие theory of mind (подробно см. ниже). Наконец, германо-английский психолог У. Фрит предложила теорию «слабости центрального

согласования», которая может быть названа наиболее убедительной из всех психологических теорий аутизма на сегодняшний момент.

Проблема основного нарушения при аутизме

Итак, проблема состоит в следующем. Данные три признака часто встречаются у аутичных детей, и непонятно, как они связаны между собой:

1. Эти дети, как сказано выше, практически не имеют речи и не общаются;
2. У этих детей отсутствует символическая игра;
3. У этих детей нет так называемой theory of mind.

Последние два пункта нужно пояснить.

Символическая игра — это игра, в которой один предмет (игрушка) служит репрезентантом другого предмета (реального). Например, ребенок берет карандаш и говорит: «Вот это мальчик». Берет ручку и говорит: «Вот это девочка». Имитирует шаги по столу и говорит: «Они пошли гулять». Из того, что у аутистов нет символической игры, некоторые авторы заключают, что у них нет функции воображения, хотя это под вопросом. Вообще какую когнитивную способность задействует символическая игра? Перемещение роли с одного объекта на другой, улавливание существенных свойств объекта, способность мышления одновременно в разных плоскостях? Это отдельный вопрос, который сейчас разбирать сложно, но, как бы то ни было, у аутистов символической игры нет. Они обычно любой предмет просто крутят в руках.

Theory of mind — это мысли ребенка о том, что думают другие люди. Важным является, прежде всего, то, что ребенок думает, что другие тоже думают. Впервые формирование способности встать на точку зрения другого человека, да и просто понять, что другая точка зрения есть, описал Пиаже, в творчестве которого вообще важное место занимала тема аутизма как одной из стадий развития нормального интеллекта. В многочисленных исследованиях детей-аутистов было показано, что у них вообще нет способности представлять себе точку зрения другого человека. Даже на уровне физических движений заметно, что дети-аутисты не замечают других людей, обращаются с ними как с физическими предметами (не соблюдают дистанции, например, никогда не смотрят в глаза). Поскольку с отдельными группами аутистов можно наладить некий контакт, этих детей тестировали на theory of mind. Тестирование проводится так: ребенку показывают две фигуры, Салли и Энн, обе фигуры видят некий предмет — шарик. Затем фигура Салли убирается, она ушла. А фигура Энн перекладывает шарик из одного места в другое. Ребенка спрашивают: Салли сейчас вернется, где она будет искать шарик? Правильный ответ: там, где он был раньше, потому что Салли ведь не видела, как Энн его переложила. А ребенок видел, как Энн переложила игрушку, и знает, где на самом деле шарик. Так вот: что ребенок думает про то, что думает Салли? Обычные дети 5–8 лет решают эту задачу легко, аутисты с большим трудом. Им все время кажется, что если они знают, что шарик тут, то и Салли это знает. Им не приходит в голову, что она не могла это узнать. То есть у них нет модели сознания другого человека: как тот видит, как думает, и почему.

Вот пример сложного теста на theory of mind, который далеко не с легкостью решает даже нормальный взрослый человек:

Это Мери и Джон. Сегодня они пришли в парк. Приехал фургон с мороженым. Джон хочет купить мороженое, но он забыл деньги дома. Чтобы купить мороженое, ему надо пойти домой и взять деньги. Мороженщик говорит Джону: «Все в порядке, Джон, я буду в парке весь день. Так что ты можешь пойти домой и взять деньги, а потом вернуться и купить мороженое. Я все еще буду здесь». Итак, Джон побежал домой за деньгами.

Но, когда Джон ушел, мороженщик изменил свои планы. Он решил, что не собирается оставаться в парке всю вторую половину дня, вместо этого он пойдет про-

давать мороженое возле церкви. Он говорит Мери: «Я не буду, как сказал, стоять в парке, вместо этого я пойду к церкви».

(Проверка понимания № 1: Джон слышал, что мороженщик сказал Мери?)

Итак, после полудня Мери пошла домой, а мороженщик отправился к церкви. Но по пути он встретил Джона. Так что он сказал Джону: «Я передумал. Я не хочу оставаться в парке, я собираюсь продавать мороженое около церкви». После этого мороженщик поехал к церкви.

(Проверка понимания № 1: Мери слышала, что мороженщик сказал Джону?)

Во второй половине дня Мери пришла к дому Джона и постучалась в дверь. Дверь открыла мама Джона, она сказала: «Ой, Мери, мне жаль, но Джон ушел. Он пошел за мороженым».

Вопрос на theory of mind: Как думает Мери, куда Джон пошел за мороженым?

(Вопрос на понимание причины такого ожидания: Почему Мери так думает?)

(Вопрос на понимание реального положения вещей: Куда на самом деле пошел покупать мороженое Джон?)

(Вопрос на запоминание: Где мороженщик был сначала?)

[Anne, 2006]

В некоторых исследованиях отмечается, что, в то время как у нормальных испытуемых правильность решения этого теста не коррелирует с показателем вербального интеллекта, у аутистов имеется такая корреляция. По-видимому, это говорит о том, что для решения такого рода задач они пользуются какими-то особыми стратегиями, требующими речи.

Один из главных вопросов, который стоит перед теорией аутизма: в чем состоит основное расстройство при аутизме, если нарушаются три функции, которые, на первый взгляд не связаны между собой?

Точнее, две из них в кажутся близкими — общение и theory of mind. Неясно, что общего у общения и символической игры и у символической игры и theory of mind. У общения и theory of mind общее то, что для того, чтобы нормально общаться, нужно иметь theory of mind (грубо говоря, считать других людей людьми). Хотя и с последним далеко не так просто, потому что нормальный ребенок начинает общаться гораздо раньше, чем имеет смысл говорить о theory of mind. Он уже в несколько месяцев способен проследить направление взгляда матери (феномен совместного внимания), чего у аутистов тоже нет. Так что, может быть, наоборот, theory of mind создается только у тех, кто общается.

А вот символическая игра и вовсе не понятно, как с этим связана.

Аутизм и вербализм

Может показаться, что такие два состояния, как аутизм и вербализм, — это два полюса. Сознание аутиста максимально отличается от сознания вербалиста, а сознание обычного человека занимает некоторое среднее положение. Однако, как ни странно, более вероятно, что вербализм весьма родственен аутизму.

На первый взгляд, они кажутся противоположными по главному и стержневому признаку: для аутистов типично то, что они не говорят, а для вербалистов — что они говорят все время. Правда, то и другое — некие идеализированные полюса. Есть аутисты, которые говорят, но плохо; есть такие, которые говорят, но невпопад. Некоторые говорят вообще замечательно, но никого не слушая и ни к кому не обращаясь, их речь не служит коммуникации. Дети, которые одновременно и аутичны, и все время говорят, называются детьми с «синдромом Аспергера». Вербалисты тоже разные. Некоторые говорят не все время, а почти тогда же, когда и нормальные люди, разве лишь используют чуть-чуть больше слов, чем надо.

Еще одно важное отличие. Типичный аутист не социализирован. Он не понимает других людей. Он не умеет врать, не хитер. Типичный вербалист очень хорошо со-

циализирован. Он хитер. Он прекрасно понимает и людей, и когда что сказать, чтобы вышло то, что нужно.

Почему же они мне кажутся едиными в основном? И те, и другие избегают смысла. Конечно, по степени избегания смысла аутисты убегают дальше. Они не улавливают ни смысла речи, ни смысла ситуации, ни смысла символов (у них нет «символической игры», буквы они рисуют один к одному, их рисунки очень конкретны). Зачем они избегают смысла — это другой вопрос. Что-то их от него отталкивает. Смысл — тяжелая штука. По-видимому, нужны большие ресурсы сознания, чтобы заставить себя удерживать смысл.

Вербалисты не так радикально отвергают смысл, они хорошо улавливают смысл ситуаций и символов. Но они его не любят. Если можно сложить высказывание по чисто внешним законам, синтаксически, то им так легче. Их не интересует, как оно на самом деле, потому что словами можно поговорить, понятия не имея о том, что на самом деле они обозначают, только зная, какие слова принято говорить. Соотнесение смысла как употребления и смысла как денотата, как выводящего к чему-то жизненному, — этого они избегают.

Поэтому в жизни вербалисты часто так же беспомощны, как и аутисты. Те и другие, избегая смысла, избегают реальности.

Перцептивная вовлеченность и смысл

Есть два познавательные состояния.

Первое состояние — вовлеченность в перцепцию. Если отвлечься от кантианского смысла слова, можно назвать это созерцанием. Перцепция может быть в любой модальности ощущения, например тактильная, но, поскольку визуальная у человека богаче, в нее легче вовлечься. На некоторое время состояние перцептивной вовлеченности может возникать, в том числе, у совершенно здоровых людей. Это состояние, когда смотришь и ни о чем не думаешь. Однако, насколько я понимаю, у здоровых людей это состояние всегда сопровождается ощущением как бы предмысли, то есть того, что мысль может возникнуть в любой момент. О какой мысли речь? Первая мысль, которая возникает «вслед» за чистой перцепцией, — это понимание того, что ты видишь. В современной когнитивной науке довольно много свидетельств, что никогда не бывает видения без понимания того, что видишь, и без некоторого предвосхищения того, что это будет. Однако я полагаю, что в редких состояниях перцептивной вовлеченности созерцание без понимания вполне возможно. Я также предполагаю, что перцептивная вовлеченность есть довольно сильное психологическое переживание, которое почти обязательно сопровождается также ощущением отсутствия других сознаний и, согласно моему личному опыту, даже отсутствием памяти о реальных людях, находящихся поблизости. Повторюсь, что, разумеется, состояние это в жизни нормального человека далеко не часто. Насколько я могу представить условия, при которых возникает состояние перцептивной вовлеченности, — это широкое визуальное поле с периодическими изменениями яркости и/или цвета. Однако это только предположение.

Второе состояние я называю *горизонтным*. Это мой личный термин. Как легко догадаться, я взяла идею у Гуссерля. Когда мы не просто смотрим, а понимаем, что происходит, мы привлекаем в наличное восприятие горизонт нашего знания. Когда мы не просто слышим данный звук в данный момент, а просматриваем всю мелодию, в прошлом и в будущем, мы слушаем в темпоральном горизонте. Когда я не просто смотрю, а думаю — я существую в интересубъективной сфере, то есть еще в одном горизонте, в горизонте социума. Если я смотрю на хорошо знакомый предмет, например, кубик для бросания, вижу на нем грань с двойкой, то я одновременно как бы вижу весь кубик, со всеми шестью гранями. Это можно назвать

предметным горизонтом. Но все это в целом есть главное дело сознания: обводить вокруг восприятия горизонты и, тем самым, придавать происходящему смысл.

Второе состояние нормально у обычных людей. Первое состояние, насколько я смогла понять, достаточно характерно для аутистов. В этом смысле очень показательны воспоминания «бывших» аутистов, то есть людей, у которых в детском возрасте был аутизм, а с течением времени произошла некоторая социализация и адаптация (это возможный вариант развития событий). Вот как описывает свое детское восприятие Ирис Юхансон: «...когда она начинала говорить, ее слова начинали кружиться по комнате. Они были разных цветов, не тех обычных цветов, которые встречаются повсюду, но цветов совершенно иного рода. Они светились и складывались в причудливые узоры. Все вокруг меня было словно живое, и все двигалось в дивном узоре. Я купалась в разноцветных искрах и кружилась в них. Они то и дело меняли форму, и было приятно плыть в этом потоке». Об отсутствии осмысления: «Я не понимаю содержание речи нормальным образом, не осмысливаю ее. Субстантивные понятия я усваивала хорошо, если их не нужно было обобщать. Лампа — это именно та лампа, которая выглядит вот так, и никак иначе. Если кто-то говорил о лампе другого типа, ее для меня не существовало».

А вот ее примечательное свидетельство о ее нынешнем состоянии сознания: «Я никогда не нахожусь в прошедшем времени или в том, которое наступит, я постоянно присутствую. Только на мгновение, когда я смотрю в ежедневник, я оказываюсь на некой дистанции от настоящего».

Последнее показывает, что даже у человека, вполне вышедшего из состояния аутизма, сохраняется слабость удержания временного горизонта.

По-видимому, для развития нормального горизонтного механизма необходимы два условия: некоторая врожденная способность и наличие в развитии ребенка социальной сферы. Если имеется способность, но не имеется сферы, возникает феномен «Дети-маугли». Если имеется сфера, но не имеется способности, возникает феномен «Дети-аутисты». На сходство аутистов с Маугли указывает, например, Б. Беттельхейм (хотя он считает, что все дети-Маугли на самом деле являются аутистами, с чем трудно безоговорочно согласиться).

II. Горизонт и символ

Остается вопрос, какова связь между горизонтным механизмом и символизацией. Поскольку это не просто понять непосредственно, я думаю, следует ввести третье, которое, возможно, опосредует эту связь или поможет ее прояснить: социальное. Итак, нам нужно проследить две связи: между символическим и социальным и между социальным и горизонтным.

Символическое и социальное

На первый взгляд, связь между символическим и социальным — это речь. При чем именно речи у аутистов нет. Социальное отсутствует у аутистов первично, по крайней мере, можно судить об этом по тому, что эти дети уже в возрасте нескольких месяцев не прослеживают взгляд взрослого, а нормальные младенцы — прослеживают (это так называемый феномен совместного внимания, на отсутствие которого у аутистов указывает Ф. Аппе и др.¹). Отсутствие речи у аутистов, скорее всего, связано с общим отсутствием социального: имеется достаточно много свидетельств, что они вполне способны усваивать слова эхолалически, употреблять их как стимулы, но с огромным трудом усваивают значения таких слов, как «я» и «ты».

Однако не все настолько просто. По крайней мере, символическая игра, на первый взгляд, напрямую совершенно не связана с речью. Она задействует, насколько

¹ *Simon Baron-Cohen, Dale A. Baldwin, and Mary Crowson. Do Children with Autism Use the Speaker's Direction of Gaze Strategy to Crack the Code of Language? // Child Development, February 1997. V. 68, № 1. P. 48—57.*

я могу судить, способность воображения, а также некую способность отстранения от наличной ситуации, на что указывает и Ф. Аппе, которая говорит о «репрезентации внутренних представлений». Эта мысль у нее не ясна, но насколько я поняла, имеется в виду, что для того, чтобы играть в символическую игру, нужно представить себе что-то одно как что-то другое, вопреки чувственному опыту. В том примере, который я привела выше, нужно представить себе карандаш не карандашом, а мальчиком, но также и мальчика — не мальчиком, а чем-то таким, что можно изобразить с помощью карандаша, то есть какой-то простой высокой фигурой без признаков. Чтобы глядеть на карандаш и думать о том, что это мальчик, ребенок, играющий в символическую игру, должен обладать способностью внутренне переводить одно в другое. Вероятно, способность эта в принципе та же, что нужна и для абстрактной речи. В данном случае карандаш — это символ. В него ребенок помещает представление о мальчике, которое имеется у него в сознании, и причем само это представление тоже достаточно абстрактно. Мне кажется, что легче помыслить в виде карандаша мальчика вообще, нежели конкретного знакомого Петю. Правда, карандаш в руке ребенка является символом, конечно, не в том смысле, как им является слово «мальчик». Слово — это только символ, а карандаш — это и конкретный игрушечный мальчик. Описанная игра обращается еще к довольно конкретному мышлению, хотя символизации, конечно, требует, в виде замещения чего-то одного чем-то другим с использованием общего понятия. А эта способность требуется для любой абстрактной мысли, а также для речи, если только эта речь использует хотя бы какие-нибудь предикаты, поскольку предикаты — всегда символы, которые абстрактно репрезентируют какие-то представления.

Поэтому мы не можем предполагать, что социум создает символическую мысль посредством речи. Мы можем только сказать, что для формирования речи нужны и социальная способность, и символическая способность (способность представить что-то одно в виде чего-то другого). У аутистов нарушено то и другое, но причинная связь между этими нарушениями не видна. По-видимому, можно предполагать с большой вероятностью, что развитие речи стимулирует развитие способности к символизации, однако, сама способность к символизации не зависима от речи, вероятно, более первична, чем речь, и именно речь основана на ней.

Социальное и горизонт

Является ли наличие смыслового горизонта в сознании «нормального» субъекта результатом его социализации? Выше я предположила, что да. Однако это не очевидно. Вообще говоря, вполне можно помыслить явление, аналогичное предметному и даже смысловому горизонту в «сознании» не социального животного. Например, кошка может смотреть на хозяина и (на основании своего опыта) «знать», что он сейчас отдыхает и не будет ругаться, если она запрыгнет на кресло, а также «думать», что у него есть рука с невидимой для нее стороны, и этой рукой он может почесать ее за ухом. Мы в таких случаях обычно берем в кавычки слова «знать» и «думать», чтобы подчеркнуть, что кошки, возможно, знают и думают не так, как мы, но я не вижу принципиальных причин сомневаться в наличии у кошки горизонтности сознания. Правда, вряд ли этот горизонт у нее обширен. Однако социального научения для его появления не нужно.

В пятом картезианском размышлении Гуссерль указывает, что мы обнаруживаем в своем сознании сферу других, едва лишь покидаем самую первичную для себя сферу — сферу непосредственных данных телесности¹. Гуссерль подчеркивает, что вооб-

¹ Вопрос о том, насколько сфера телесности первична для нашего опыта, по-видимому, решен Гуссерлем неверно. В частности, данные исследований на аутистах свидетельствуют, что собственное тело воспринимается ими ослабленно и искаженно, а работы психоаналитических школ достаточно убедительно показывают, что изначально тело является неразделимым с внешним миром. Однако в этот вопрос здесь нет возможности углубляться.

ще никакое конституирование предметности не происходит без участия этой сферы Других, которую я выше назвала социальным горизонтом сознания. Вопроса о роли речи и роли символизации он в этом месте не касается, просто указывает, что сфера Других первичнее для сознания, чем предметная сфера, причем предметная сфера — это всегда нечто, что воспринимается и знается совместно с другими, не в моем личном мире, а в мире, как выражается Гуссерль, сообщества монад. По-видимому, с ним приходится согласиться, по меньшей мере, для подавляющего большинства случаев человеческого опыта. Например, я сейчас пишу статью об аутистах, горизонтах, символах и социуме. Разве есть хоть что-нибудь в том, что я пишу, что я знала бы только для себя, что было бы первоначально конституировано моим сознанием без участия сферы Других? Аутистов впервые открыл мне Гиренок через Поршнева, о горизонте я прочитала у Гуссерля, о символизации — у Аппе, а наиболее интересные слова о социуме в этом контексте довелось видеть у Выготского (я буду писать об этом ниже). Безусловно, я наблюдаю у себя ход собственной мысли (иногда), но все ходы совершаются между понятиями, которые конституированы Другими. Фактически в моем сознании Гиренок спорит с Гуссерлем, а мое сознание представляет собой нечто вроде потенциального пространства для их спора. Связи, которые проводятся между понятиями, опять же по возможности презентуются Другим, для чего, скажем, и пишется эта статья.

Поэтому мы можем с большой долей уверенности предположить, что у несоциальных животных примитивный предметный горизонт без социального научения, может быть, и возможен, но у человека ничего, что хотя бы чуть-чуть выходило за рамки только предметного горизонта, выводило бы к опыту, к предвидению и тем более к пониманию, — без социального горизонта быть не может.

Интенциональная среда

Откуда можно почерпнуть идеи, каким образом социум приводит к такому феномену, как понимание происходящего? Выше я связала понимание с «горизонтным механизмом» и противопоставила его простому созерцанию, вовлеченности в перцепцию. Я полагаю, что для этого окажется полезным понятие «интенциональная среда». Его ввела я в работе [Косилова, 2008] для того, чтобы прокомментировать известные результаты Пиаже о том, что дети в возрасте 3–5 лет говорят как бы сами с собой. Пиаже называет это «эгоцентрическая речь». Он указывает, что дети ни к кому не обращаются, однако же и не думают о том, что их никто не слышит. Они как бы предполагают, что их слушают все вокруг. С другой стороны, можно показать, что они «на самом деле» не предполагают, что их слушают, так как при наличии реального собеседника их речь заметно меняется. Так к кому же обращаются дети, когда говорят эгоцентрической речью? По-видимому, в сознании ребенка имеется некая интенциональная среда, а именно, нечто неопределенное, внимание чего направлено на него. Можно предполагать, что это оставшееся от младенчества воспоминание о взгляде матери.

Интенциональная среда стимулирует развитие речи, так как дает возможность ребенку говорить в отсутствие всяких реальных собеседников. В свою очередь, развитие речи само собой приводит к развитию мышления, в частности, и к такой функции мышления, как символические операции.

Что еще более важно, интенциональная среда дает отстранение от наличного, она дает возможность развиваться воображению.

Имеется в сознании аутистов интенциональная среда? Вообще говоря, нет оснований предполагать, что ее у них совсем нет, однако, высокая доля перцептивной вовлеченности, которая приводит, говоря словами психологов, к «полевому поведению», позволяет предположить, что интенциональная среда вносит малый вклад в их сознание, значительно меньший, чем у нормальных детей. Эгоцентризм не может

отстраниться от ситуации, и его действия непосредственно определяются ею. Это касается как внешней ситуации, так и внутренней, то есть физического состояния организма. Еще Выготский показал, что способность отстранения от ситуации базируется на особом механизме, который он назвал внутренней психической активностью. Благодаря этому механизму появляется торможение непосредственных реакций, отстранение от наличного, осмысление его и планирование деятельности. Указанный им механизм весьма напоминает горизонтный механизм, в нашей терминологии. В этом пункте изложенная теория очень хорошо согласуется с практикой, так как у большинства аутистов наблюдаются элементы полевого поведения и практически у всех — эгоцентризм, в особенности в виде отсутствия theory of mind.

Следует отметить, что при аутизме наблюдаются также симптомы, которые напрямую не объясняются данной теорией, например, стереотипии (дети подолгу вертят в руках предметы, машут пальцами перед глазами, раскачиваются). Выше я предположила, что равномерная стимуляция широкого зрительного поля поддерживает состояние перцептивной вовлеченности, в котором аутист, если можно так выразиться, заинтересован, ибо ему некуда выходить из него. Нормальный человек может пробывать вовлеченным в перцепцию очень недолго и быстро возвращается к горизонтному состоянию, для которого характерно течение «понимательных», «предвидательных», а также посторонних мыслей. У нормального ребенка самое обычное горизонтное состояние — игра, причем это игра с самим собой, то есть, как мы видели выше, с интенциональной средой. А у аутиста, кроме вовлеченного состояния, возможна только пустота. В отсутствие интенциональной среды в сознании ему, если так можно выразиться, «не с кем играть», не о чем думать. Я полагаю, что стереотипные действия возникают как вариант поддержания потока стимулов, в который аутист может быть вовлечен.

Символ и речь

Последний вопрос, который нужно разобрать: всегда ли функция символизации требует речи? Выше мы предположили, что символизация возможна, только если есть горизонтный механизм в сознании, ибо только горизонт дает отстранение от наличного. У ребенка социальный горизонт представлен в виде интенциональной среды, с которой он разговаривает, поэтому может показаться, что все остальные функции завязаны на речь. Однако о некоторых функциях приходится сказать, что, скорее, речь завязана на них. Вот что пишет известная отечественная исследовательница речевых нарушений у детей Р.Е. Левина о детях, речь которых не несет функции символизации (она называет это «Автономная речь»): «Внешний мир ... не имеет постоянной картины. Акты восприятия и осмысления воспринимаемого почти не связаны. ... Разумеется, при этом необычайно велика связанность зрительным полем, которая всецело определяет основные черты поведения „автономика“, всю его деятельность. *Свобода от зрительной ситуации возникает и развивается вместе с развитием смыслового восприятия* [выделение мое — К.Е.]. Здесь мы имеем поведение, в полной мере подчиненное впечатлениям, мотивы деятельности всецело даны ситуацией. ... [каково понимание своего внутреннего мира]. В автономной речи с ее связанностью внешним называние своих переживаний ничтожно. Вот почему ребенок-автономик весь во власти своего переживания. Он не владеет своим внутренним миром. Если во внешнем мире он связан ситуацией, то здесь он подчинен своим переживаниям, которые не выделяются, не осмысляются им как таковые. Разумеется, внутренняя активность при этом сведена к нулю. ... Дети-автономики по своей сущности спонтанны... Основной дефект речевого развития ребенка-автономика — невозможность овладения нормальной речью — восходит к основному дефекту всей структуры личности — недостаточной внутренней активности, т.е. недостаточностью овладения своими собственными психологическими процессами» (с. 67). Эта мысль Левиной

находится в связи с идеей Выготского о том, что понимание смысла основано на внутренней психической активности (именно ее я называю горизонтным механизмом). Мы видим по этому описанию детей (по-видимому, некоторые из этих детей были аутисты; в момент написания книги Левиной (1936) их так еще не называли), что особенности речи выводятся из слабости горизонтного механизма, в частности, механизма символизации.

Следовательно, будет достаточно логично предположить, что символизация сама по себе речи не требует, она по отношению к ней первична. Она требует только наличия горизонтности сознания.

Заключение

Предложенная концепция аутизма, в которой были использованы идеи Гуссерля о горизонтах сознания и Пиаже об эгоцентрической речи ребенка, не претендует на то, чтобы исчерпывающим образом объяснить все особенности сознания аутистов как вытекающие из того, что у них отсутствует механизм горизонта. Однако я полагаю, что все-таки она может оказаться продуктивной, по крайней мере, для осмысления необходимых связей между такими вещами, как: роль социума в конституировании сознания человека; функции, которые играют речь и символ; момент перехода от эгоцентрической позиции к экцентрической и другими вопросами, от ответа на которые зависит наше понимание сознания.

Литература:

1. *Гуссерль Э.* Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической intersубъективности / Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998.
2. *Пиаже Ж.* Эгоцентрическая речь // *Общая психология, тексты.* Т. 3. Кн. 1. С. 436.
3. *Гиренок Ф.* Грезы — это разверзшаяся бесконечность. Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/person/2008-09-04/9_girenok.html.
4. *Лебединская К.С., Никольская О.С.* Диагностика раннего детского аутизма. М., 1991.
5. *Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок: пути помощи. М., 2007.
6. *Беттельхейм Б.* Пустая крепость : детский аутизм и рождение Я. М., 2004.
7. *Аппе Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма. М., 2006.
8. *Косилова Е.В.* Философия возраста. Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/scientia/new.htm>.
9. *Левина Р.Е.* К психологии детской речи в патологических случаях (Автономная детская речь). М., 1936.
10. *Юханссон И.* Особое детство. М., 2001.
11. *Uta Frith and Francesca Happé.* Language and communication in autistic disorders / *Philosophical Transactions: Biological Sciences.* Vol. 346, No. 1315, The Acquisition and Dissolution of Language (Oct. 29, 1994). P. 97–104.
12. *Baron-Cohen, Simon.* Do People with Autism Understand What Causes Emotion? // *Child development.* 1991, 62. P. 385–395.